

Последние из этих стихов, написанных еще в 1885 г., не могут не напоминать о том, что великий князь впоследствии был не только большим любителем, но и знатоком древней русской иконописи и вообще древнего русского церковного искусства. Но всякая исключительность и односторонность были одинаково чужды и его уму и его чувству. С детства окруженный художественными сокровищами Павловского дворца, он воспитал в себе способность глубокого чувствования красоты искусства и нового и древнего, и христианского, и языческого. Примирение двойственности начал и красоты и нравственности, и жизни, которое многим другим или совсем не дается, или дается мучительно и поздно, рано сказалось в его поэзии, чуть ли не лучше всего в этом образе: древний египетский сфинкс улыбается покоящемуся между его гранитными лапами Божественному младенцу.

Известие о кончине великого князя должно было во всяком, кто сколько-нибудь знал его, вызвать мысль, которую он в стихотворении на чью-то кончину выразил словами:

«Одной прекрасной душой
Меж нами менее...»²¹¹

С этой мыслью на уме и сегодня почтим мы память нашего незабвенного председателя.

Рукописный архив ИИМК РАН. Ф. 3. Д. 370. Л. 3–8.

III. ПЕРЕВОДЫ

Эсхил. Семь против Фив²¹²

[Пролог]

[л. 2] На Кадмее ранним утром.

(1) Этеокл. Граждане Кадмова града! Полезное должен говорить тот, кто исполняет свой долг на корме государственного корабля, правит рулем, не давая сну сомкнуть вежды. Ведь имей мы успех, «скажут:» бог — причина; если же — да не будет этого — беда случится, одного лишь Этеокла (5) будут в городе многократно поминать граждане громкими песнями и рыданиями. Пусть Зевс, избавив нас от них, избавителем назовется в городе Кадмеян. Должны теперь вы «все», и тот, кто не достиг еще молодости

²¹¹ [На смерть графини А. А. Мойра // Там же. С. 71.]

²¹² [Перевод публикуется по черновой рукописи П. В. Никитина, хранящейся в ПФА РАН, и датируется 1897/1898 г.: см. л. 40 об. Для удобства чтения раскрыты принятые Никитиным сокращения: Эт. — Этеокл, В. — Вестник, И. — Исмена, А. — Антигона, Х. — Хор фиванских девушек, и текст перевода структурирован: в нем выделены пролог, коммос и т. д.]

(10) зрелой, и тот, [л. 2 об.] чье тело от жизни долгой перезрело, каждый, заботу прилагая, насколько будет то по силам, должны Вы все стоять за город, за алтари родных богов, да не изгладится во век почет их за мать (15) родную землю, добрую кормилицу. Она ведь Вас вскормила, когда Вы в детстве ползали по ласковой ее груди. Она, принявши на себя для всех все бремя воспитания, «вскормила себе» обитателей — щитоносных воинов. Вы честно расплатились за этот долг, [л. 3] и доселе, до сего (20) дня весы судьбы склонялись в нашу пользу: хотя уже так долго терпели мы осаду, по большей части милостью богов, война идет для нас удачно. Но ныне, прорицатель, пернатых пастырь, тот, который при помощи лишь слуха и ума, не зная света, (25) а безошибочным искусством понимает вещих птиц, — он, властитель этих прорицаний, уверяет, что этой ночью рать ахеев должна была собраться для приступа скорейшего и двинуться на город. Стремитесь же вы все к стенным зубцам, к воротам (30) укреплений, во всеоружии, спешите, ограды наполните, [л. 3 об.] становитесь на подмостках башен, и, оставаясь у выходов ворот, будьте бодры, не страшитесь слишком толпы пришельцев: бог подаст конец счастливый. (35) А я отправил соглядатаев смотреть за вражескою ратью, и уверен: в пути они не медлят. Выслушавши их, конечно, я в обман не дамся.

Вестник. Этеокл, властитель доблестный Кадмеи: пришел я с верными вестями оттуда от (40) войска: я сам был очевидцем того, что делается там. Семь стремительных мужей, вождей отрядов, наполняя черный щит бычачьей кровью и прикасаясь к ней руками, поклонились [л. 4] Ареем, Енией и кровожадным богом бегства разрушить кремль, в конец опустошить город Кадмеян, или, умерев, увлажнить кровью эту землю. К Адрасовой колеснице прикрепляли они своими руками подарки, чтобы их на память о себе домой и своим родителям послать. Текли из глаз их слезы, но из уст (50) не вырывалось ни одного жалобного стога: их железное сердце дышало пылкой отвагой, как сердце львов, которых взор сверкает жадной битвы. И оправданье этих моих слов не откладывается промедлением на долгий срок. Когда я оставлял [л. 4 об.] их, они метали жребий, чтобы каждому вести отряд к тем воротам, какие жребий ему назначит. (55) А потому скорей у выходов ворот поставь мужей храбрейших, из всего города отборных. Ведь так близко во всеоружии войско Аргивян подступает, вздымает пыль, и брызги белой пены, вырываясь из груди коней их, (60) равнину испещряют. Огради же город, как искусный кормчий, пока не налетел ураган Арея: ведь ревут уже волны безводного моря, волны «вражеской» рати. [л. 5] И сделай это в самый скорый срок. Мой же взор и впредь и днем будет наблюдателем надежным, и из точного рассказа моего узнав, что делают те там за воротами, ты будешь невредим. [л. 6.] (69)

Этеокл. О Зевс и Земля, и вы, о боги, хранители города, и ты, — сила проклятья — могучая Ериния отца, по крайней мере город мой не разрушайте до основания, не губите в конец, не отдавайте в добычу врагам «город», в котором льется еллинская речь, «пощадите» дома и святыню очагов «его граждан». Нет, никогда не надевайте ярма рабства на свободную землю и город Кадма. Но явитесь им защитой: ведь, полагаю, о чем прошу я, на пользу будет нам и Вам: народ ведь чтит богов тогда, когда он счастлив. [л. 7]

[Народ. Предводительница хора]

(78) Великие страшные беды вызывают мой вопль. Понеслось стрелой ополчение. Вот покинул свой стан, впереди всех рекой разливается толпа всадников. Меня убеждает в том пыль, что показалась в Эфире, вестник безгласный, но ясно и правдиво говорящий. С равнин (по догадке Weil'a) моей земли, потрясенных копытами коней, до моего уха доносится шум: легит, гремит, как поток неукротимый, бьющийся (85) о скалы гор. О боги и богини, отведите беду, что на нас устремилась. Крик стоит над стенами. С белыми щитами стремится народ, надвигаясь на город [л. 7 об.] легкими стопами. (90)

Кто же из богов,
Кто из богинь,
Кто нас спасет,
Кто защитит?

Припасть ли мне к завещанным отцами изображениям богов? (95) О, блаженные владыки тронов прекрасных, самое время теперь припасть мне к вашим кумирам. Чего медлим, рыдая? Слышите иль нет вы стук щитов? (100) Когда же, если не теперь, наденем мы «на изображения богов» молитвенные пеплы и венки? [л. 8] Я чую стук: слышны удары множества копий. Что сделает Арей, давний владыка этой страны, ужель земле твоей изменишь? (105) О, бог златошлемный, взгляни, взгляни заботливо на город твой, который некогда так много ты любил.

[Хор. Строфа 1]

Боги, хранители нашей страны, явитесь все, взгляните на толпу дев, молящих спасти их от порабощения! Воздвигнутая дуновением Арея, журчит кругом города волна целого моря воинов, колышутся гребни их шлемов. Но Зевс отец, всего вершитель, всячески спаси (нас) [л. 8 об.] от пленения врагами. Аргивяне окружают город Кадма. (120) Ужасно оружие войны. Удила, которыми взнузданы их кони, своим жалобным бряцаньем поют о смерти. Семь бесстрашных вождей копыеносцев, выдающихся из толпы

блеском вооружения, приближаются каждый к одним из семи ворот, поделив их по жребию.

[Антистрофа 1]

И ты, могучая Зевсова дочь, находящая в битвах отраду, Паллада, стань защитницей города, и ты, властитель коней и пучины морской, царь Посидон, с трезубцем, (130) разящим рыб, явись, чтобы дать им избавление от страха. И ты, Арей, — о, страшно, страшно мне — соблюди наш город, носящий имя [л. 9] Кадма, покажи на деле, что Кадм тебе родной. И ты, Киприда, как праматерь (140) нашего народа, помоги, от твоей ведь крови мы произошли. Тебя в молитвах призывая, мы приближаемся, богиня. И ты, владыка, гроза воинов, окажись волком для вражеской рати. Готовь ты свой лук, о дочь Латоны.

[Строфа 2]

(150) О, страшно! О, страшно! Вокруг города я слышу грохот колесниц. О, владычица Гера! Скрипнули под тяжким бременем в колесах оси. Артемида милостивая! [л. 9 об.] Гудит свирепо (155) воздух, потрясенный конями. Что случилось с нашим городом, что случится? И где конец бедам положит бог?

[Антистрофа 2]

О, страшно, о страшно! Сыплется каменный дождь, издалека поражая стенные зубцы. О милостивый Аполлон! Бряцают в воротах медные щиты. (160) Сын Зевса, которым дается славный успех в бою, решающий исход войны, и ты, Онка, владелица блаженная, перед городом стоящая, обороняй твое семивратное местопребывание.

[Строфа 3]

(165) О боги всеильные защитники, [л. 10] о могучие покровители и покровительницы, стражи твердыни этой земли, не дайте нашему городу изнемочь в борьбе, не предайте его в руки рати чужезычной. (170) Внемлите, внемлите нашим праведным девичьим мольбам, «взгляните» на наши воздетые руки.

[Антистрофа 3]

О боги благие, ставшие на страже города, чтобы его от бед избавить, покажите, что угоден он вам, не забывайте о приношениях на всенародных празднествах, не забывайте и помогите! Помните, молю вас, о священнодействиях, которые город совершал, не жалея жертв.

[Эпизодий первый]

(180) [л. 10 об.] Этеокл. Вас спрашиваю, чудовища невыносимые: ужели помощь и спасение для города и ободрение для нашего войска, терпящего осаду, в том, что вы, которых должен ненавидеть всякий, у кого есть разум, прирав к изображениям богов-хранителей (185) города, вопите и кричите? О, если бы ни в беде, ни в счастье сладостном не жить мне с женщиной. Когда она сильна, она дерзка настолько, что близость к ней невыносима; когда испугана она, то большим еще бедствием является и для семьи, и для народа. (190) Так и теперь, прибежав с таким «шумом по городу», [л. 11] вы гражданам внушили робость (193) малодушную. Силы врагов, стоящих там за воротами, как нельзя лучше умножаются, а мы терпим поражение от внутренних врагов, от нас самих. Вот какие блага испытаешь, если близ тебя есть женщины. (195) Но если кто не будет повиноваться моей власти, будь то мужчина или женщина, иль нечто среднее меж ними, к смерти будет приговорен ослушник, и ни за что от казни всенародной не уйдет, от побития камнями? [л. 11 об.] О тех делах, что совершаются вне дома, не женщине (200) судить: о них заботится мужчина. Оставайся же дома и не вреди. Слушала иль нет, или с глухой я говорю?

[Коммос 1]

Хор. О милый сын Эдипа! Испугалась я, услышав, как грохочут, все грохочут колесницы, «испугалась», как заскрипели спицы катящихся колес, как, потрясенные поводами, забряцали кованые удила уздечек.

Этеокл. Что ж из того? Ужель моряк, с кормы бежавши на нос корабля, найдет к спасенью средство, когда корабль в борьбе с морской волною изнемог? (210)

Хор. Опережая других, я [л. 12] пришла к древним кумирам богов, на богов полагаясь. А когда с грохотом посыпался у ворот этот гибельный снег, тогда страх заставил меня обратиться с молитвой к блаженным, чтобы город они осенили своей защитой. (215)

Этеокл. Молитесь, чтобы городские стены отражали удары вражеских копий. Ты скажешь: разве не от богов и это будет. Но говорят ведь, будто боги сами покидают город, врагами взятый.

Хо. О, да не удалится никогда, пока жива я, этот сонм богов, и да не придется видеть мне, (220) [л. 12 об.] как по этому городу несутся чужеземцы и как его сжигает гибельным огнем вражеская рать²¹³.

Этеокл. Призывая богов, не будь сама безумна, ведь повиновение вла-

²¹³ К v. 220: по догадке Приена: στροφῶν ἀπτόμενων.

сти, сочетавшись со спасительной силой божества, становится родительницей счастья, так говорят. (225)

Хор. Правда. Но еще выше сила божья. Часто беспомощного среди бедствий поднимает она на ноги, «спасая» от тяжелой невзгоды, когда над его очами нависнут тучи горя.

Этеокл. Мужей это дело — (230) на врага совершать богам жертвы и по ним «о будущем» гадать. А твое дело [л. 13] молчать и оставаться внутри дома.

Хор. По милости богов, город, в котором живем мы, еще не побежден, и стена городская стоит оплотом против толпы врагов. Чье негодование может осудить мои поступки? (235)

Этеокл. Не запрещаю я тебе чтить богов, но чтобы не сделать граждан робкими, будь спокойна и не предавайся слишком страху.

Хор. Услышав необычайный нестройный шум, с робостью и страхом пришла я сюда, в кремль, к святому (240) седалищу «богов».

Этеокл. «Смотри» же, если услышите об [л. 13 об.] умирающих или раненых, не встречайте воплями такие известия. Ведь этой пищей питается Арей — людскою кровью.

Хор. Но я слышу ржание коней. (245)

Этеокл. Если и слышишь, не показывай слишком ясно, что ты это слышишь.

Хор. Стонет почва города: враг его окружает.

Этеокл. Разве не довольно, что я о том забочусь?

Хор. Боюсь: а стук в ворота все сильнее.

Этеокл. Молчи! ни слова (250) гражданам об этом.

Хор. О сонм богов! Не измени твердыням нашим.

Этеокл. Проклятье! Будешь ли переносить ты это молча? [л. 14]

Хор. О боги города! Да не постигнет меня рабство.

Этеокл. Сама ты в рабство обращаешь и себя, и город весь.

Хор. О всемогущий Зевс, обрати на врагов твою стрелу. (255)

Этеокл. О Зевс, какое зло ты дал нам, давши женщин!

Хор. Жалки они, как и мужчины, которых город взят.

Этеокл. Опять беду пророчишь, к кумирам прикасаясь?

Хор. Да! Я упала духом, и мой язык во власти страха.

Этеокл. О, если б ты исполнила мою просьбу, которую легко исполнишь. (260)

Хор. Говори скорее, чтобы скорей узнать мне, что ты хочешь. [л. 14 об.]

Этеокл. Умоляю, о несильная?, не пугай своих.

Хор. Молчу. С другими заодно перенесу я, что пошлет судьба.

Этеокл. Вот эта речь твоя милей мне прежних. И еще: покинувши

кумира, моли богов, чтобы (265) нам союзниками были в одолении врагов. И выслушав мои мольбы, затем сама торжественно произнеси тот радостный священный вопль, который в обычае у Еллинов при жертвах, произнеси его, чтобы друзей ободрить, чтобы уничтожить страх перед врагами. (270) А я даю обет богам страны, богам кремля, богам равнины и Диркейскому ручью, [л. 15] и струям Исмена: коли покончится война счастливо, и город уцелеет, Фиванцы, обагрив овчей кровью очаги богов и быков богам заклавши — так я обещаю, — жертвами отпразднуют победу, а одеяния врагов, добычу, снятую с убитых, вонзив на копья, у пречистых храмов водрузят. Вот о чем молитесь вы богам без ваших стонов бесконечных, без диких (280) воплей. Ведь все равно, от этого судьбы не избежишь. А я пойду, [л. 15 об.] назначу к семи воротам шесть вождей и к ним седьмым себя, чтоб дать врагам отпор могучий. <Я хочу исполнить это> прежде, чем сюда придут вестники с торопливою речью, и нужда меня заставит пылать поспешностью горячей. (286)

[Стасим первый. Хор. Строфа 1]

Стараюсь быть послушной; но от испуга сердце не знает покоя, и его соседки — тревожные заботы — в нем пламя страха раздувают. Боюсь я рати, окружившей стены, (289) как порою робкая голубка, за малых птенцов опасаясь, пугается змей, злобных гостей чужого гнезда. Одни идут к башням целым народом, (295) [л. 16] целой толпой. Как же мне быть! А те отовсюду осыпают наших сограждан острыми камнями. (300) Всеми средствами, боги, Зевсово потомство, спасайте вы город и войско Кадмовых потомков.

[Антистрофа 1]

В какую страну лучше этой вы удалитесь, если врагам отдадите нашу страну с глубокой почвой (305) и диркейские струи — самые питательные из всех вод, какие шлет Посидон, опора земли, и дети Тифии. (310) Итак, о боги, властители города, на тех, что там за стенами, пошлите испуг, губящий мужей, пошлите беду, вырывающую оружие из рук, а этим, согражданам нашим, славу доставьте, [л. 16 об.] вняв громогласным, жалобным молитвам, будьте спасителями города и <остановитесь> на ваших тронах прекрасных.

[Строфа 2]

Ведь жаль будет, если столь древний город Аид²¹⁴ обратит в рыхлый пепел, отдав копыю поработителя в добычу; <позволивши> позорно вплоть

²¹⁴ К v. 322: по моей догадке Ἀΐδην.

праву он устремляется в бой за родной город. Но трепещу я, <не пришлось бы> увидеть кровь и смерть погибших за соотчичей. (420).

Вестник. Пусть этому, как ты желаешь, дадут успех счастливые боги. А Капанею жребий место указал у ворот <что прозываются> Электры. Гигант и этот еще больший того, что прежде назван. Полна его хвастливость нечеловеческой гордыней. Грозит он страшно нашим башням — о, пусть судьба угрозу мне не исполнит: [л. 20] он говорит, что город нам разрушит, угодно это богу или нет, что даже Зевсова вражда его не сдержит, пред ним обрушившись на землю. А молнии и стрелы громовые теплу полдню он уподобил. Приметой на щите имеет он изображение человека безоружного: одно²¹⁹ лишь у него вооружение в руках пылает светом и золотыми буквами гласит тот огненосец: зажгу я город. — Кто с этим вступит в бой? (435) Кто перед хвастливым, [л. 20 об.] не дрогнув, устоит. Пошли такого.

Этеокл. И это хвастовство²²⁰ еще одну нам выгоду доставит. Против безумных замыслов людей язык неложным обвинителем бывает. Так Капаней, готовый на угрозы, оскорблял богов, утомлял свой язык словами радости напрасной, жалкий смертный, мечет против Зевса к небесам крикливые, кипящие надменностью речи. И я уверен, что будет он наказан по заслугам: огневой перун, ни мало не похожий на теплые лучи полуденного солнца, на него падет. [л. 21] А из людей против него, как он ни дерзок на словах, поставлен пылающий отвагой сильной Полифонт, надежным стражем будет он при милости Артемиды, хранительницы <тех ворот > и при помощи других богов. Говори и другим, (450) каждому жребий дал место в других воротах.

Хор. Да погибнет тот, кто призывает на город великие беды, да удержит его громовая стрела, прежде чем он вторгнется в мой дом и надменной силой оружия выгонит меня из девичьих покоев. (455)

Вестник. Но я скажу о том, [л. 21 об.] которому после <Капанея> жребием указано место у ворот. Третий жребий, выпавший из опрокинутого медного шлема, был жребий Этеокла: ему судьбой назначено напасть со своим отрядом на ворота Наиста. (460) Кружит браздами он своих коней, а те гневно ржут, желая броситься к воротам. Варварским напевом гудят намордники, наполняя дыханием из ноздрей гордых <коней>. А на щите изображено немаловажное по смыслу: тяжеловооруженный (465) воин по ступеням [л. 22] лестницы восходит на вражескую башню, желая ею овладеть. И этот возглашает сочетаньями письмен, что будто даже и Арей

²¹⁹ К в. 433: по догадке ἀπὸς μόνῃ.

²²⁰ К в. 437: по догадке Κεκκ'α: κόμλῳ.

не сбросит его с башни. И против этого пошли того, на кого можно положить, что будет он отвращать от нашего города ярмо рабства (471).

Эгеокл. Я пошлю того... Но по какой-то случайности счастливой уже и послан Мегарей, у которого вся похвальба в руках, потомок Креонта, племени, посеянного <Кадмом> [л. 22 об.] Не устрашат его ни мало грозные звуки ржанья бешеных коней, а из ворот он не отступит, но или смертью заплатит (475) родной земле за воспитанье, или, одолев и обоих мужей и город тот, что на щите, доспехами врагов отцовский дом украсит. Изображай хвастливость другого из врагов и сделай милость, не скупись на слова. (480)

Хор. О, да! Молю богов, да будешь ты так счастлив, защитник моего города, а их бойца да постигнет неудача. Как они, беснуясь мыслью, в речах надменных городу грозят. [л. 24] Так пусть за это Зевес, добра и зла распределитель, взглянет на них гневным оком. (485)

Вестник. И еще одно — четвертый, получив на долю ворота, что соседние с Онкой Афиной, с криком становится пред ними. Это Гиппомедонт, великий ростом. Когда взмахнул он великим током — я говорю о круглом щите, — я содрогнулся: иначе не могу сказать я. И видно, не из (490) простых был тот художник, который поместил на щите такое изображение: У Тифона из огнедышащего рта извергается черный дым, проворный брат огня. [л. 24 об.] А обод и выпуклый круг щита прикреплен к изгибам облегающих его змей. (495) Сам же герой издает боевые клики и, вдохновенный Ареем, неистовствует, как Вакханка; так страстно он жаждет битвы; и грозен его взор. Надо настороже быть против предприимчивой отваги такого мужа; ведь его бешенство уже у ворот раздражается хвастливыми речами. (500)

Эгеокл. Прежде всего Онка Паллада, там вблизи у города стоящая, негодя на дерзость этого мужа, приблизившегося к воротам, отвратит ее от <нас>, как птица от своих птенцов отвращает злого змея. А из людей противопоставлен ему Гипербий, доблестное чадо Инопа, противник, достойный этого врага, (505) [л. 25] хочет испытать свою судьбу он в том положении, какое назначил ему случай. Недоступны порицанию и вид его наружный, и сердце храброе, а также и оружия убранство. Ермий не напрасно свел этих двух <борцов>. Вступят в битву два человека, враждебные друг другу: но враждебны <друг другу и> боги, которых понесут они навстречу друг другу на своих щитах. У того Тифон, (510) извергающий пламя, а у Гипербия на щите непоколебимо сидит Зевс-отец, держа в руках пылающий перун. Вот какие дружественные (515) боги <у них на щитах>. [л. 25 об.] Мы на той стороне, которая одолевает, они на той, что терпит поражение, так как Зевс сильнее в бою, чем Тифон, и никто еще не видывал, чтоб Зевс кем-нибудь

был побежден. Надо ожидать, что такова же будет и участь мужей, друг другу противостоявших: и согласно со смыслом изображения Зевс, оказавшись на щите Гипербия, Гипербию будет спасителем. (520)

Хор. Уверена я: сложит перед воротами свою голову тот, у кого на щите противоположное Зевсову изображение злобного, рожденного Землей божества, ненавистного и смертным, и богам [л. 26] долговечным. (525)

Вестник. Да будет так! А я скажу о пятом, о том, что поставлен к пятым, северным воротам у самой могилы Амфиона, Зевсова сына. Клянется он своим копьём, которое дерзает чтить превыше бога, которое ему дороже (530) глаз, <клянется> Зевсу наперекор разорить город Кадмеян. Так говорит прекраснойлицей отпрыск матери, обитательницы гор, наполовину муж наполовину отрок. По его щекам только что выступает пух, только что вырастают рожденные силой юности густые (535) волосы. С суровой решимостью, [л. 26 об.] которая нимало не подходит к имени, напоминающему дев, и с грозным взором, приближается Парфенопей Аркадянин. Такой-то муж, пришелец <Аргоса> (из другой страны явившийся), желая Аргосу отплатить за прекрасное воспитание, грозит нашим башням. Да не исполнит бог его угроз. Не без похвальбы становится он у ворот. На своем кованом медном щите, оплоте круглом (540) нагло, в посрамление нашему городу нес он блестящее выпуклое изображение кровожадного сфинкса, прикрепленное гвоздями; а под собою тот сфинкс держит человека, одного из Кадмеян, так что множество стрел должно ударить в этого человека. Как видно, прибыв [л. 27] (545) сюда, не будет он по мелочам войною жертвовать и не посрамит долгого пути, который совершил.

Этеокл. О, если б заодно с теми хвастливыми изображениями получили они кару, достойную их образа мыслей²²¹, тогда б наверное постигла их конечная позорнейшая гибель. Есть и для этого Аркадянина, о котором говоришь ты, есть <достойный противник>, он не знает самохвальства, но по его рукам видно, что они умеют действовать. Это Актор, брат того, которого назвал я раньше. (555) Не допустит он, чтобы праздная болтовня порожняя, проникая к нам за ворота, осыпала нас бранью, [л. 27 об.] и не даст войти в город ненавистному зловредному зверю с кровожадной пастью. Вот, оставаясь вне, под стенами города, (560) осыпаемые множеством ударов, будет то изображение роптать на того, кто его несет²²². Коль будет на то воля богов, оправдаются мои слова.

²²¹ К в. 550: по догадке ὄν φρονοῦσ' ἐλάξια.

²²² Читая в 558 стихе τεῖχος ἐχθίστου δάκουσ, сохраняя ст. 559 и в ст. 560 восстанавливая ἔξω μένοισα, придется переводить: и не дает проникнуть за стены неприятелю, который несет на своем щите изображение ненавистного того зверя. Оставаясь вне и т. д.

Хор. От глубины сердца внимаю я этим речам, но волосы от страха вздымаются, когда слышу я о надменных угрозах, надменно (565) хвастливых нечестивых людей. О если б боги их погубили в моей стране.

Вестник. Скажу я о шестом муже; смиренней всех он, но вместе [л. 28] (569) с тем и всех отважней в бою. Это пророк, могучий Амфиарай. Поставленный у ворот Омолоидских, множеством укоризненных названий осыпает он могучего Тидея, <именует его> человекоубийцей, смутителем народа, главным для Аргоса учителем зла, жрецом Ериний, слугой убийства, советчиком, внушившим Адрасту эти пагубные решения. А потом обращался с речью к твоему брату, могучему Полинику, вверх поднимая негодующие очи, зовет его, дважды сполна²²³ изрекая его имя, и из уст его раздаются такие речи: «Разрушать город отцов и святых богов своего племени, приводить для [л. 28 об.] (580) этого войско чужеземцев — разве такое дело любезно богам, разве с похвалой услышит и будет говорить о нем потомство? Если ты матери нанес удар, какое оправдание загладить сможет эту вину? Так и родная земля, благодаря тебе став добычею врагов, как может быть союзницей твоей? Что ж до меня, я обогашу эти нивы, когда меня, пророка, сокроют недра вражеской земли. Сразимся! Я надеюсь на славную смерть». Такие речи говорил пророк, держа спокойно²²⁴ медный щит. Знака нет на том щите. Этот ведь герой не слыть, а быть доблестным [л. 29] (592) желает, собирая жатву с плодородной почвы глубокого ума, из которой вырастают мудрые речения. Этому советую послать противоборцев и разумных, и отважных. Силен тот, кто чтит богов.

Этеокл. О, зачем судьба мужа правды сводит с нечестивцами! Во всяком деле нет ничего вреднее общения с дурными: не собирай плоды с этой почвы. На ниве гибели плодом бывает смерть. Так иногда благочестивый муж, войдя на один корабль с людьми, способными на злодеяние, погибнет заодно с этими людьми, ненавистными [л. 29 об.] (605) богам. Иль иногда, сам оставаясь справедливым, вместе с согражданами, жестокими, к странникам, забывшим о боге, попав в одну сеть с неправедными²²⁵, погибает под ударами божьего бича, который поражает и его заодно с другими. Так и прорицатель, я говорю об Ойклоеовом сыне, муж смиренный, справедливый, доблестный, благочестивый, пророк великий, вопреки желаниям своего сердца соединившись с нечестивыми дерзкими мужами, которые наперекор благоразумию стремятся к своей цели — бог даст — с ними заодно будет увлечен в дальний путь, из которого нельзя уж возвратиться.

²²³ К v. 578: по догадке Weil'a δις ἐντελὲς δῆ.

²²⁴ К v. 590: по поправке Donner'a εὐκήλαος ἔχων.

²²⁵ К v. 607 по догадке Приена ἐκδίκους.

Но я думаю, он и не приступит даже к воротам, не потому, чтоб был он робок, не потому, чтобы отваги было [л. 30] (607) мало у него, <нет>, но знает он, что ему суждено найти смерть в бою; ведь предсказания Локсия бесплодными не будут. Но все же против Амфиарая мы поставим и смертного борца привратником, неласковым к гостям, Ласфена силача. Умом он старец, но телом юноша (и любит иль молчать иль говорит лишь то, в чем польза есть). Быстра его походка и рукой не медлит он под щитом из ножен выхватить свой меч²²⁶. А удача людям богами в дар дается. [л. 30 об.] (626)

Хор. Вняв праведным нашим молитвам, исполните их боги, чтоб нашему городу досталась удача; бедствия войны обратите на пришельцев. О если бы их вне наших стен Зевс на смерть поразил своим перуном.

Вестник. Теперь уже скажу я о седьмом, о том, что стал у седьмых ворот, о твоём собственном брате, <скажу,> какую участь накликает он на город, <какой судьбы для него> просит <у богов>. <Он молит, чтоб довелось ему,> взойдя на стены, провозгласив себя царем, пропев пеан победный, с тобой сразиться [л. 31] (636) и иль убить тебя и самому с тобою рядом умереть, или, в живых оставив, отплатить тому, кто его опозорил, кто его изгнал, той же самой платой, таким же изгнанием. Так возглашает могучий Полиник и призывает богов отеческой земли, да наблюдают они за совершенным исполнением его молитв. У него новый прекрасный щит, а к щиту искусно прикреплено двойное изображение. Златокованного мужа, тяжеловооруженного воина по виду, ведет какая-то жена, скромно идя впереди. Правдой себя она называет; так [л. 31 об.] (646) гласят письмена: «Возвращу на родину этого мужа, — говорят они, — и будет владеть он царством и жить в чертогах отцов». Вот каковы их выдумки. А ты теперь уже реши, кого послать считаешь нужным. Меня ведь никогда тебе не придется упрекать за ложные известия. А это сам решай, так как ты ведь правишь государством»²²⁷.

Этеокл. О пораженный от богов неистовством безумия, предмет великого отвращения для них, о плачевный род наш, род Эдипа! Горе мне! Уж исполняются теперь проклятия отца. Но неприлично плакать и рыдать: не то народится [л. 32] (657) еще более горестный плач. Скоро мы узнаем, как для Полиника, который вполне оправдывает свое имя, <как для него> исполнятся надежды, выраженные тем изображением, возвратят ли его на

²²⁶ К v. 624: или (при догадке δέμας вместо δόρυ) и рука его не медлит поразить врага, которого тот движением щита свое тело оставляет без прикрытия. Молчать он любит или говорить лишь то, в чем польза есть.

²²⁷ К v. 652: по догадке: τὸ δ' αὐτὸς γινῶθι, ναυκλήρω.

родину из золота безумно болтливые письма. Если бы Зевсова дочь, дева Правда, была близка его делам и мыслям, пожалуй, было бы так. Но ни тогда, когда он только что появился на свет из мрака матерней утробы, ни в детстве, ни в юности, ни тогда, когда его подбородок стал покрываться волосами, [л. 32 об.] (667) Правда ни разу не удостоила его своим взором и вниманием. Думаю, что и теперь нет ее близ него, когда он разорвет землю своих отцов. Иначе Правда вовсе не оправдала бы своего имени, если бы была заодно с дерзким мужем. Полагаясь на это, пойду и сам вступлю я в бой. Кто другой на то имеет больше прав? Как враг с врагом вступлю я в бой, вождь с вождем, брат с братом. Принеси скорее поножи, копье и ограду от камней²²⁸.

Хор. О сын Эдипа, ты, который мне дороже всех людей! Пылкостью не стань подобен тому, который говорит преступнейшие речи. [л. 33] (679) Довольно того, что с Аргосцами Кадмейцы вступят в бой: для такого кровопролития есть возможность очищения. Но если два брата умрут, будут убиты так собственноручно друг другом — для такой греховной скверны нет старости.

Этеокл. Если бы приходилось терпеть несчастье без позора, с этим можно бы было примириться: ведь когда оно одно, то, сойдя в царство мертвых, ничего ты не теряешь. Но ты не скажешь, что возможна добрая слава для того, кто подвергся и несчастьям, и позору.

[Коммос 2]

Хор. Чего ты хочешь? Да не увлекает тебя соблазнительное для твоего сердца гибельное яростное желание вступить в битву. Выкинь из своего сердца зародыш злой страсти.

Этеокл. Раз <сам> бог сильно ускоряет это событие, пусть весь Лаев род, ненавистный Фебу, с попутным ветром, <быстро> несется к волнам Кокита, ему доставшимся в удел! [л. 33 об.] (692)

Хор. Страсть не в меру кровожадная, горькие плоды приносящая, побуждает тебя совершить человекоубийства, совершить преступное кровопролитие.

Этеокл. О да! Сидит возле меня враждебная мне Ериния милого отца. В черные одежды одета она. Безжалостно, бесслезно глядят ее глаза. Она внушает мне, что лучше рано умереть, чем поздно.

Хор. А ты внушениям не поддавайся. Счастливо устроится жизнь твоя и малодушным тебя не назовут. Со своею черною эгидой уйдет Ериния из твоего дома, когда из рук твоих будут боги жертвы принимать.

²²⁸ Или: поножи, ограду от ударов копий и камней.

Этеокл. Боги, надо думать, уже больше о нас не пекутся, а дорожат той отрадой, какую им доставит наша гибель: к чему же еще малодушно уклоняться от гибельной участи?

Хор. Как раз теперь Ериния находится близ тебя; <говорю — теперь,> потому что, когда наступит наконец поворот [л. 34] (705) в настроении твоего духа, тогда, после того как стихнет буря <гнева>, может быть, придет к тебе другое божество; а теперь твой гнев еще кипит.

Этеокл. Да, потому что его заставили кипеть Эдиповы проклятья. Слишком правдивы оказались видения сонных грез, предвещавшие раздел отцовского достояния.

Хор. Послушайся женщин, все равно, хоть их ты и не любишь.

Этеокл. Говорите то, что можно как-нибудь исполнить, и при том не нужно много слов.

Хор. Не уходи ты в этот путь — к седьмым воротам.

Этеокл. Уж, конечно, не притупишь ты словами острой ярости моего гнева.

Хор. Однако бог дает почет и дурной победе²²⁹.

Этеокл. Воин не должен соглашаться с этим размышлением. [л. 34 об.] (718)

Хор. Итак, ты решаешься сорвать цветок братоубийства?

Этеокл. Бог даст, не избежит <мой брат> беды.

[Стасим второй]

Хор. [Строфа 1]

Содрогаясь при мысли, что губительница <целых> родов, богиня, на божества не похожая, правдивая пророчица бедствия, призванная мольбами отца, Ериния исполнит гневные проклятия обезумевшего Эдипа. Ее приход ускоряет эта вражда, гибельная для его детей.

[Антистрофа 1]

Чужеземец назначает им участки, Халиб, скифский выходец, жестокий распорядитель достояния, кровожадный меч, по жребию дает он столько земли для их пребывания, сколько они смогут и по смерти удержать во владении, но не дает им обладания обширными землями.

[Строфа 2]

[л. 35 об.] (733) Когда, убив друг друга, сраженные друг другом, они умрут, и прах земной вопьет в себя темно-красную кровь, кто сможет доставить очищения, кто его омоет? Увы! Новые бедствия семьи присоединяются к старым невзгодам!

²²⁹ К в. 716: или (при поправке $\nu\acute{\iota}\kappa\eta$ — $\kappa\acute{\alpha}\kappa\eta$): однако бог и трусости дает почет победы.

[Антистрофа 2]

Говорю о преступлении, навлекшем суровую кару²³⁰: давно оно случилось, но и над третьим поколением сохраняет свою силу. В Пифийском прорицалище, что стоит посредине Земли, трижды сказал Аполлон Лаю: умри без потомства, [л. 36] (749) если хочешь блага для своего царства.

[Строфа 3]

Но поддавшись страсти, рассудку не покорной, вопреки Аполлоновой воле, родил Лаий на гибель себе отцеубийцу Эдипа, который на запретной почве, из которой сам вырос, посеял кровавое семя. Слепление сводило обезумевших новобрачных²³¹.

[Антистрофа 3]

Словно море, катит оно волны, волны бедствий: опадает одна, вздымается другая с тройным гребнем. Она рокочет уже вокруг кормы государства. И лишь тонкой преградой та стена отделяет нас от волн. [л. 36 об.] (764) Боюсь, вместе с царями не пал бы и город.

[Строфа 4]²³²

Ужасно ведь то примирение, при котором исполниться должны давние проклятия. Бедствия минуют бедняков; напротив, с корабля чрезмерного счастья приобретателей летит в пучину драгоценный груз.

[Антистрофа 4]

Кого из людей так чтили и домашние, и многолюдное городское вече, как чтили тогда Эдипа, освободившего страну (от) губительного чудовища, которое похищало [л. 37] людей?

[Строфа 5]

(776) Когда же, несчастный, он понял, в какой печальный брак вступил, убиваясь от печали, с безумием в сердце, совершил двойную беду: отцеубийственной рукой лишил себя глаз, которым ненавистны стали дети²³³.

[Антистрофа 5]

А на детей призвал проклятье в гневе за то, как они за ним ходили, увы, изрек проклятие горькими словами, <пожелав>, чтобы с мечом в руках и они некогда поделили достояние. Страшусь, как бы не исполнила теперь <те проклятия> быстроногая Ериния.

²³⁰ К v. 743: или по рукописному чтению $\phi\kappa\lambda\omicron\iota\upsilon\nu\upsilon\nu$: как скоро было наказано.

²³¹ К v. 757: или по рукописному чтению $\phi\rho\epsilon\nu\acute{\omega}\lambda\eta\varsigma$: помутившее ум ослепление сводило новобрачных.

²³² [Ст. 765–775 зачеркнуты.]

²³³ К v. 784: по догадке $\mu\iota\sigma\theta\acute{\epsilon}\kappa\mu\omicron\nu$.

[Эписодий третий]

Вестник. Оставьте страх, дочери благородных²³⁴ матерей.

Хор. Избег наш город ярма рабства? [л. 37 об.] (794)

Вестник. Посрамлены хвастливые угрозы сильных мужей. Миновала для города невзгода. И хоть много раз война ударилась о наш корабль, вода не залила его (=он течи не дал).

Хор. Крепким оплотом стоят стены и надежны оказались те защитники единоборцы, которыми мы оградили ворота!

Вестник. У шести ворот почти во всем успех, а седьмые себе выделил святой седьмичный вождь, владыка Аполлон, безумие Лая вымещая на Эдиповом потомстве.

Хор. Какая еще²³⁵ новая беда постигла город? [л. 38] (803 а)

Вестник. Они скончались от руки один другого.

Хор. Кто? Что ты сказал? Твои слова мой ум смущают страхом.

Вестник. Теперь приди в себя и выслушай: Сыновья Эдипа.

Хор. Пали там? Скажи, как ни печальна твоя новость.

Вестник. Да! И при том бесспорно повергнутые наземь.

Хор. О горе мне. Я чужла беду. Так чрезмерно увечили их <во время боя> братние руки?

Вестник. Так нелицеприятно было божество для обоих их вместе. Очевидно, само оно истребляет злосчастный род. Вот какая пища для радости [л. 38 об.] (814) и плача. Счастлив город, зато властители, два вождя, железом скифским кованым мечом поделили меж собою все обладание богатством. А владеть будут тою лишь землей, какую получают при погребении, вступая ею во владение²³⁶ согласно злосчастливым проклятиям отца. Город спасен, но братья цари, убив друг друга, своей кровью напоили землю. (Уходит к зданию совета)

[Стасим третий]

Хор. О Зевс великий и вы, боги, хранители города, вы, которые спасаете эти Кадмовы башни, радоваться ли мне и торжественными кликами почтить спасителей, охранивших город невредимым²³⁷ иль оплакать [л. 39] (827) вождей, воистину²³⁸ плачевных и злосчастливых? Погибли они от не-

²³⁴ К v. 792: По догадке Векклеина θαρσεῖτ' ἀρίστων μητέρων.

²³⁵ К v. 803: По рукописному чтению πλέον вместо παρών.

²³⁶ К v. 819: по догадке Кирхгофа φθανούμενοι.

²³⁷ К v. 826: по догадке ἀσινούς σωτήριον.

²³⁸ К v. 828: по догадке Hartung'a ἐτύμως.

честивого решения, вполне оправдав смысл своих имен: и славны поистине были, и сильно они враждовали.

[Строфа 1]

О! исполнилось ты, черное проклятие, произнесенное Эдипом над его потомством²³⁹ Какой-то лютый холод ужаса объемлет мое сердце. Как Фиада, в исступлении я пою намогильную песню, услышав, что те двое, обливаясь кровью, погибли смертью злосчастной. Подлинно, зловеще это созвучие копий.

[Антистрофа 1]

[л. 39 об.] (840) Исполнило свое дело, не изнемогло пожелание отца. Сохранили свою силу решения ослушника Лаия. О городе забота <меня мучает>: ведь не тупеет меч прорицаний. О многих слез достойные, совершили вы дело ослушания!

[Воины вносят тела убитых братьев. Строфа 2]

Не на словах, <на деле> явились бедствия плачевные. Само по себе ясно, что это значит. То, о чем говорил вестник, теперь пред нашими глазами. Вот она, двойная скорбь, двойное чрезмерно воинственной отвагой причиненное бедствие взаимного убийства, вот они, достигшие конца злосключения, закончившиеся двойною смертью. Что сказать? Да что ж иначе, если не это: не покидающие этого дома бедствия, рожденные от бедствий. Но, подруги! При попутном ветре плача,

[Антистрофа 2]

осыпая свои головы ударами, совершайте вы ту греблю, что, сопутствуя <почившим>, постоянно переправляется чрез Ахеронт в сторону, объятую тьмой, вечно дающую приют, по тому пути, по которому ходит <не корабль [л. 40] (852) с ликующими богомольцами, а печальная > ладья под черным парусом, по тому пути, на который не ступала нога Аполлона, не бросает лучей своих солнце.

Но вот ведь пришли Антигона и Исмена исполнить печальный долг — оплакать братьев. Уверена я, из их прекрасных пышных грудей понесется громкий вопль скорби, достойный их горя. Однако мы вправе, прежде чем раздастся их голос, возгласить грозно звучащий гимн Еринии и воспеть ненавистный пеан Аида.

²³⁹ К в. 832: по догадке ὦ μέλαινα' καὶ τελεῖα γένεος Οἰδῖπου πάρα.

[Коммос 3. Входят Антигона и Исмена]

Хор. О вы, самые несчастные сестры из всех, которые одеждой прикрывают нагрудную повязку, [л. 40 об.] (870) не было братьев столь несчастных, как Ваши! Плачу я и рыдаю, и нет во мне обмана: не от души, и неискренне не стану причитать я.²⁴⁰

[Строфа 1]

О непримиримые, не покорные добру, неутомимые <причинители> бедствий, силой оружия пытавшиеся овладеть отцовским кровом.

О да! несчастные! нашли они себе несчастную смерть на гибель отцовскому дому!

[Антистрофа 1]

Увы, увы! Ты, который пришел разрушить стены родного дома и ты, которому на горе досталась власть, наконец-то примирил вражду Вашу меч. Правдивые <предсказания> Эдипа-отца очень точно исполнила могучая Ериния. [л. 41] (886)

[Строфа 2]

Пораженные в сердца — да, пораженные в сердца, — и те сердца были родные друг для друга — <несчастные, вы пали!>

О, вы, злосчастные! О, проклятья, потребовавшие смерти и убийств!

Смертелен тот удар, о котором говоришь ты, которым они поразили друг друга, поддавшись внушению неслыханной отваги и роковой вражды, порожденной отцовским проклятием — <смертелен был он> и для их дома, и для них самих.

[Антистрофа 2]

Идет стон и по городу, стонут башни, стонет земля, молящая мать своего народа. А богатство останется потомкам, <богатство>, из-за которого они, обреченные на страшную участь, вступили в распрю, из-за которого приняли смертный конец.

Поделили, гневливые, имение, так [л. 41 об.] (907) что поровну досталось. Не за что друзьям попрекнуть примирителя: не лицеприятен Арей.

[Строфа 3]

Такова их участь, сраженных железом ждут их — иной, пожалуй, скажет: кто? Могилы в усыпальнице отцов их.

²⁴⁰ 1897/8.

Провожает их из дому горестный вопль, раздирающий сердца плач. <Плач, как> о собственной горе, о своей беде, тоскливый, отвергающий утешения, заставляющий проливать слезы воистину от глубины души, которая изнывает, меж тем как я плачу по двум этим владыкам.

[Антистрофа 3]

Есть чем помянуть несчастных: [л. 42] много бед причинили они землякам, много бед рядом всяких чужеземцев²⁴¹, заставляя гибнуть в битве тех и других. (924)

О! Несчастнее всех женщин, которые были матерями, та, которая их родила. Родила она их, сделав своего сына себе мужем, а они так скончались, убив друг друга, брат убивши брата.

[Строфа 4]

Да, соединила их узы крови, соединила и гибель, покончив их распрю. <Сгубил их> враждебный дележ, свирепый раздор.

Покончена вражда, в земле, залитой кровью, смешались их жизненные соки: вполне они единокровны. Суровым решителем [л. 42 об.] (941) распри оказался пришелец поморский, из огня бежавший острый меч, суровым беспристрастным делителем богатств — Арей, оправдавший отцовское проклятие.

[Антистрофа 4]

Достались им, несчастным, по жребию в удел богами посланное горе; а под их прахом будет <великое> богатство — бездонная толща земли.

Увы! увенчали вы свой род множеством несчастий! Громкую песню в заключение возгласила сила проклятия, подвергнув совершенному поражению эту семью. Стоит трофей гибели в воротах, где они бились, притих демон, [л. 43] (960) одолев двоих.

Антигона. Пораженный, поразил ты.

Исмена. А ты, убивши, умер.

Антигона. Копьем убил ты.

Исмена. Копьем убит ты.

Антигона. Беду причинив.

Исмена. Беду претерпев.

Антигона. Лежит распростертый.

Исмена. Убивши другого.

²⁴¹ К v. 923: или по догадке Meiske τῆλακτῶν вместо λάντων: приведенных чужеземцев.

Антигона. Пусть плач раздается.

Исмена. Пусть слезы текут.

Антигона. О, горе! Исмена. О, горе!

Антигона. Мутится ум от плача. Исмена. И вместе стонет сердце.

Антигона. Увы, увy! достойна твоя участь плача без конца.

Исмена. А твоя и в конец печальна.

Антигона. От друга погиб ты. Исмена. И друга убил. [л. 43 об.]

Антигона. О двойной беде должна я говорить.

Исмена. Двойную беду должна я видеть.

Антигона. Здесь близко две скорби наши.

Исмена. Здесь близко родные нам два трупа двух братьев.

Антигона, Исмена. О Мойра, жестокая подательница бед, и ты, владычица, черная Ериния Едипа. О ты! Великая твоя сила.

Антигона. О, горе! Исмена. О, горе!

Антигона. Несчастья, невыносимые для взора.

Исмена. Встретили его по пути из изгнания.

Антигона. Убив, домой он все же не вернулся.

Исмена. Спасшись <от бедствий изгнания>, жизни лишился.

Антигона. Да, он лишился. Исмена. А этого лишил!

Антигона. Тяжка участь нашего рода. Исмена. Тяжка беда, которую он претерпел.

Антигона. Два несчастья одноименные. [л. 44] (985) — стремительно налетевших бедствий.

Антигона, Исмена. = 975–77. [О Мойра, жестокая подательница бед, и ты, владычица, черная Ериния Едипа. О ты! Великая твоя сила.]

Антигона. Ты, конечно, теперь познал ее, пройдя чрез ее руки.

Исмена. И ты, нисколько не позже изведав.

Антигона. Когда вернулся в царство.

Исмена. Чтобы в бою ему противостать.

Антигона. О гибельной беде должна я говорить.

Исмена. Гибельную беду должна я видеть.

Антигона. О мучение! Исмена. О несчастье.

Антигона. И для дома и для страны. Исмена. И еще больше для меня.

Антигона. Увы, увy, о царь — властитель плачевных бедствий.

Исмена. Увы, ты всех более достойный плача! [л. 44 об.] (1001)

Антигона, Исмена. О вы, в гибельном ослеплении потерявшие разум.

Антигона. Увы, увy! В каком месте нашей земли положим мы их?

Исмена. Увы! В самом почетном.

Антигона, Исмена. Увы! Лягут несчастные рядом с отцом.

ЭКСОД

Вестник. Я должен возвестить о том, что признали и признают за благо думные мужи народа этого Кадмова царства. Признано за благо его — Этеокла за преданность родной стране похоронить в недрах любезной отеческой земли, ибо он решился умереть на родине, отражая ее врагов и, не погрешив пред святынями отцов, [л. 45] (1011) скончался безупречно там, где смерть красна для молодых мужей. Так приказано мне говорить об этом. А этот труп его брата Полиника, <решено> бросить за пределы страны, в добычу псам, ибо он страну Кадмеян в пустыню обратил бы, не помешай его копью какой-то из богов. И после смерти будет он предметом омерзения для отеческих богов, которых оскорбил он, когда, приведя чужеземную рать, пытался овладеть городом. Итак решено, чтоб принял он возмездие, да будет он позорно погребению предан птицами крылатыми. Ничья рука не должна трудиться, насыпая насыпь над его могилой. [л. 45 об.] (1023) Пусть никто не чествует его громкими рыданиями, и его близкие не должны с почетом выносить его к могиле. Так решила эта власть Кадмеян.

Антигона. А я заявляю начальникам Кадмеян: если никто другой не решится принять участие в его погребении, я погребу его, приняв на себя опасность, погребу моего брата, и не стыдно мне того, что в этом не подчинюсь я властям, не повинуюсь государству. Великая сила — единство крови, от которой мы произошли, родившись от одной и той же матери несчастной, от одного и того же многострадального отца. [л. 46] (1032) Раздели же, мое сердце, с ним его несчастье, добровольно с ним беду, против его воли постигшую его, ты, живое, с ним, мертвым, участь раздели от его доли, помня, что ты ему родное. Не вкусят ненасытные волки. Пусть никто этого не ждет. Сама я, хотя и женщина, устрою погребение и могилу для него. Буду носить землю в складках виссоновой одежды. И сама его укрою. Пусть никто иного и не ожидает: у смелости найдется средство исполнения.

Вестник. Говорю тебе: не делай этого против воли государства.

Антигона. Говорю тебе: не объявляй того ныне, что объявлять напрасно.

Вестник. Но грозен весь народ, когда он только что избег беды. [л. 46 об.] (1045)

Антигона. А разве не грозен будет этот, если не будет погребен?

Вестник. Но ужель почтишь ты погребением того, кто ненавистен государству?

Антигона. Но боги его уже почтили не иначе, чем другого.

Вестник. Да, чтили, пока не угрожал он этой стране.

Антигона. Он отвечал злом за зло, которое претерпел.

Вестник. Но из-за одного он действовал против всех.

Антигона. Распря последняя из всех богов кончает разговор. А я все же похороню его. Не будь так многословен.

Вестник. Твоя воля, но я тебе это запрещаю. [л. 47] (1054)

Хор. О, вы, гордые губительницы рода, смертоносные Еринии, род Эдипа так с корнем вы сгубили. Как быть? Что делать? Что придумать? Не плакать по тем и не провожать тем к могиле? Как на это я решусь? Боюсь я и робею пред угрозою граждан. Ты то многими будешь оплакан. А он, несчастный, не оплаканный уйдет в могилу, провожаемый причитаниями одной лишь сестры. Кто мог бы повиноваться такому приказанию?

Полухорие. Пусть народ казнит иль не казнит тех, что плачут о Полинике, а мы пойдем его проводим и поможем хоронить. [л. 47 об.] Ведь и это общее горе для всего <нашего> племени, а народ не всегда одно и то же признает за правду.

Полухорие. А мы пойдем за этим, как повелевают и народ и справедливость. Ведь после блаженных и Зевсовой силы, это он спаситель города Кадмеян, который благодаря ему устоял; не смывает с лица земли волей чужеземного народа.

ПФА РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 191. Л. 1–47 об.

Пиндар. Олимпийская ода I

*[Гиерону Сиракузскому
и коню его Ференику на победу в скачке. Год — 476.]*

[л. 11] (1–16) Прекрасна вода, а из богатств, возвеличивающих людей, выделяется золото, ярко сияя, как сияет среди ночи пылающий огонь. Если же, мое сердце, игры хочешь воспевать ты: не ищи днем в пустынном эфире другого лучезарного светила, которое было бы жарче солнца: не будем говорить, что есть другое состязание, прекрасней Олимпийского. Оттуда доносясь, славная песня вьется вокруг мыслей искусных певцов: должны они громко воспеть Кронова сына, придя в богатый, счастливый чертог Гиерона.

Держа в своих руках жезл правосудия над Сицилией, обильной стадами²⁴², в свой венок вплетает он цветы всех добродетелей, но вместе с тем находит для себя отраду и в красоте искусства муз, в тех песнях, какими часто забавляемся мы, мужи, у его гостеприимного стола. [л. 12] (17) Снимай же ты с гвоздя дорийскую формингу, если сколько-нибудь твой ум вдохновили сладостными домыслами великолепие Писы и доблесть Ференика, <какую проявил он>, когда на берегах Алфея полетел, не нуждаясь

²⁴² По поправке $\mu\lambda\upsilon\tau\eta\lambda\omicron\varsigma$.